

Александр Иванов, основатель и директор издательства и книжного магазина «Ad Marginem»

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Скорее всего, я отождествляю себя с периодом ранней советской культуры, примерно с 1917 по 1927 год. Нужно ли пояснять, почему? Мне кажется, что в этот период русская культура становится по-настоящему мировой, то есть Россия, пережившая революцию и гражданскую войну, потом подъем после войны, становится мощной притягательной силой для всего мира. Именно в этот период Россия становится поистине европейской страной, достигает, мне кажется, пика европейскости, – именно тогда, а не в период конца или середины 19-го века.

- А не достигает она такого качества в годы перед Первой мировой войной?

Я думаю, нет, я думаю, серебряный век – это не то, что выделяет культуру России в качестве мировой. Сецессион в Вене, Арт нуво во Франции – гораздо более мощные культурные стратегии. Россия вплоть до 17-го года все же остается культурной провинцией Европы. Конечно, существовала великая русская литература, и русский классический роман – вот главная проблема для меня, а не серебряный век. Толстой и Достоевский – вот безусловные конкуренты периода 1917 – 1927. Но тот образ русского романа, который существует в мире, связан скорее с эпохой после Второй мировой войны.

- Скорее с периодом между Первой и Второй мировой войнами.

Согласен.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Я бы выделил два явления: русский роман 19-го века как абсолютно оригинальная форма культуры и период 1917–1927. Для меня очень важна фигура русского художника в Европе в этот период. Например, в 1925 году Родченко приезжает в Париж на выставку в Гран Пале, где он должен делать проект советского павильона. И главная реакция Родченко на Париж: он попадает из столицы в провинцию. Я думаю, когда Толстой или Достоевский приезжали в Париж, они воспринимали его как столицу. И реакция Родченко

понятна, потому что главным художником Парижа являлся тогда Модильяни, то есть продолжение традиций импрессионизма и постимпрессионизма. Имелся еще кубизм, скажем, совсем маргинальный дадаизм и еще не начавшийся сюрреализм. То есть искусство, располагающееся в поле традиций искусства, а Родченко и вообще то, что предлагалось советской культурой после 1917 года, это полная разомкнутость искусства и литературы в смежные сферы – в экономику, политику, в социальное проектирование. Здесь огромный резерв для творчества, который такими людьми, как Родченко, Маяковский, ранним советским кинематографом, был использован на полную катушку, и Россия стала в это время в художественном и интеллектуальном смысле абсолютно столичным культурным пространством.

3. Как сказались на русской культуре завершение советского периода истории России?

Сложный вопрос. Советский период в каком-то смысле завершился, потому что нет СССР, Россия в 90-е годы перестала быть центром притяжения определенных политических, экономических и прочих сил и стала вполне провинциальной страной, достаточно банальной в культурном отношении. Но опыт 90-х был важен для того, чтобы создать предпосылку формирования новой культурной сцены. Мне кажется, что десятилетие 90-х само по себе провальное для культуры России. В кинематографе, в литературе, в музыке – это годы провальные, из-за мощных экономических и социальных перемен людям было не до искусства. Но перемены привели к тому, что сейчас Россия, выйдя из 90-х, начинает осознавать, что возможно какое-то иное отношение к советскому прошлому, гораздо более рефлексивное, гораздо более творческое, во многом отменяющее пафос любви к капитализму, который был характерен для 90-х. И мне кажется, что сейчас наступает хорошее время для русской культуры, когда мы на новом витке приходим к иному, более историческому пониманию советского прошлого. Но это на самом деле огромная тема.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Мы пришли к выводу, что одно из главных событий последнего четырехлетия – это молчание Виктора Пелевина. То, что Пелевин не пишет ничего нового, находясь в нормальном творческом состоянии, свидетельствует, что закончилась какая-то большая эпоха. [Интервью состоялось до выхода в свет последней книги В. Пелевина. – Прим. ред.] Это не связано, по-видимому, с приходом к

власти Путина. Политически, мне кажется, Путин продолжает линию Ельцина, то есть линию на построение некоего либерального государства, с либеральной экономикой и элементами авторитаризма в политике, что было и при Ельцине. А культурная сцена здорово поменялась. Путин же не столько оказывает влияние на формирование этой сцены, сколько пытается реагировать на происходящие перемены. Довольно примитивные попытки возврата к советской символике – как раз и есть реакция на перемены. Путин не управляет ими, он на них реагирует. Проблема же Путина в том, что он по-прежнему остается правителем олигархической экономики и олигархической культурной сцены. Для культуры ельцинской эпохи символами были, например, Кремль, Большой театр, Эрмитаж, и Путин продолжает так же глобально и олигархически понимать проблемы экономики и культуры. Не оказывается никакой поддержки малому бизнесу, несмотря на все разговоры о среднем классе, экономика по-прежнему держится на олигархах, на нефте-газовых монополиях, и так же в культуре, например, в книгоиздательском деле...

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нуждается ли в этом русская культура?

Восстанавливается, конечно, крайне неумело, неловко. Вообще государственная опека не нужна, нужна определенная государственная политика в сфере культуры. Политики, которая была бы четко артикулирована, не видно. Проблема заключается в том, что Россия развивается достаточно спонтанно. Путин не является политиком, предлагающим для страны какой-то новый проект. Психосоматически он другой, чем Ельцин: легкий, маленький, по-немецки говорит, на лыжах катается...

- И большую часть населения это радует...

По крайней мере, устраивает. Но Путин, как уже было сказано, – это продолжение ельцинской политики. Он полагает, что процветание России основано только на большом бизнесе, сращенным с бюрократией. Ничего не происходит в государственной политике в сфере культуры, но все становится более жестким.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в нашу эпоху?

Это оппозиция из эпохи до массовой культуры. Тем не менее, существуют элитарные культурные институции и практики. Но вот что важно отметить: в огромном кризисе находится академическая система.

- Система чего – образования?

Образования, воспроизводства знания. Это кризис, который начался еще при Ельцине, даже при Горбачеве, и не останавливается до сих пор. Речь идет о фундаментальном знании, которое обеспечивало серьезную функцию советской интеллектуальной элиты, гуманитарной в том числе. Где такие фигуры, как Лихачев или Аверинцев? Их нет. Зато образуется другая элитарность – та, которая обслуживает олигархический капитализм в России. Есть закрытые клубы, дорогие концерты отечественных звезд, на которые обычная публика попасть не может...

- Ну, это все равно, как есть элитные квартиры или автомобили...

Вот именно – это новая политическая и бизнес-элита, которая за 90-е годы создала в России свою инфраструктуру, в том числе культурную. Есть издательства, которые обслуживают эту культуру, есть у нее собственные музыканты, художники. Под нее и создаются новые культурные проекты.

- В такой системе «народное», очевидно, равно «массовому».

Да. Понятие «народное» относится к эпохе до массовой культуры. Вот вчера была вручена очередная Букеровская премия. Идея букеровского жюри – народная литература не в смысле массовой, а в смысле, принятом в 19-м веке, то есть высокая литература, которая отражает какие-то чаяния и думы народа. Ряд критиков и букеровское жюри предполагают, что возможно продолжение той литературы, которая была в 19-м веке, литературы народной в том смысле, в котором народны Пушкин или Толстой. Литературы большого пафоса, страдания за народ. Подобную идею поддерживают критики, толстые журналы, и в этом – специфика России. Но мне подобная традиция кажется в настоящее время довольно-таки маргинальной, не оказывающей почти никакого влияния на культурную сцену...

- И на народ?

И на народ. Но тем не менее в качестве воображаемого проекта она продолжает существовать. Конечно, народ в 19-м веке Пушкина не читал, потому что был неграмотный, но Пушкин был народным в том смысле, что выражал какие-то внутренние проговоренные народом вещи.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как «служение» и в каком смысле?

Не понимаю ни в каком смысле.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового пространства?

В России существует проблема, которую уже не раз поднимали аналитики. С одной стороны, страна мощно включена в глобальные экономические структуры через нефть, газ, финансовые потоки, а с другой стороны, Россия живет вне каких-либо позитивных результатов включения в глобальную экономику. В культуре то же самое, потому что массовая русская культура достаточно сориентирована на образцы массовой культуры мировой – хотя бы в области жанров, форм. Вообще, тут надо осознавать диалектику вопроса. С одной стороны, есть проблема несправедливой глобализации.

- То есть когда одним достается много, а другим ничего...

Да. А с другой стороны, имеется тотальная экспансия культурного глобализма на территорию России. У нас одни и те же модные фигуры. Популярность Мураками или Коэльо в США и в России примерно одинакова. Адорно, говоря о культурной ситуации Европы второй половины 20-го века, заметил, что в этот период основным потребителем культуры является усталый бизнесмен. В России наблюдается похожий процесс. Потребитель Мураками, Коэльо, разных русских авторов – это менеджер среднего звена, который устает на работе, у которого мало времени для чтения, которому нужно нечто, в облегченной, упакованной форме предоставляющее ему разные знания и впечатления, например, о мистицизме, об этнических литературных традициях.

- Но у нас не так уж много менеджеров среднего звена...

Думаю, что достаточно. У нас порядка 80 процентов собственности находится в частных руках, и всюду есть менеджеры.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Думаю, складываются. То, что я вижу, свидетельствует, что церковь в России является серьезным экономическим игроком. Еще при Ельцине она получила огромные экономические льготы, простор для экономической деятельности. С другой стороны, церковь все больше претендует на общественную моральную функцию. Что же касается эстетической функции церкви, то она, мне кажется, минимизировалась. Не вижу серьезного влияния церкви на светскую культуру, и это традиционно для России. Так было всегда, как только у нас возникла светская культура, то есть в послепетровские времена. Я имею в виду профессиональную культуру. Если говорить не о церкви, а о религии, то влияние может быть, но оно очень невелико. Россия достаточно секуляризованная страна, не менее чем другие европейские страны. А невиданная экономическая активность церкви секуляризирует ее самое.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Постсоветская эпоха не завершена и вряд ли завершится в ближайшие годы. В 90-е годы Россия, получив некоторые виды гражданских свобод и некоторые новые экономические правила, тем не менее, повторяю, в культурном смысле превратилась в одну из банальных, тривиальных стран мира. Россия как серьезный культурный игрок перестала в 90-е годы кого-то интересовать. Сейчас ситуация меняется, что не связано с переменами в политике, потому что Путин продолжает ельцинскую эпоху. Seriously меняется некое отношение к 90-м годам в нашем обществе. От 70-х до 90-х культурную сцену определяло знаменитое поколение шестидесятников, большая часть которого подготавливала своей деятельностью реформы начала 90-х. Они получили что хотели и стали главными союзниками Ельцина. Эстетика Окуджавы, Галича, Высоцкого, Аксенова, критики *Нового мира* и *Знамени* – это одна эстетическая волна, построенная на энергии антисоветизма, борьбы с коммунизмом. И когда коммунизм окончательно разрушается, что происходит после вторых выборов Ельцина, после кризиса 1998 года, то вместе с его гибелью гибнет и антикоммунизм. Есть поле в русской культуре, где продолжается по инерции антикоммунистическая тенденция борьбы, критики государства. Но одновременно возникают и условия для формирования новой интеллектуальной традиции, связанной с эстетической, идейной, философской критикой нового русского капитализма. Либеральной критике кажется ныне, что Россия возвращается на круги своя, что возникают условия для возникновения

того, что они называют русским фашизмом, новым коммунизмом, экстремизмом. Думаю, что нет – просто возникает новая культурная сцена, где новые игроки начинают серьезно задумываться не о возврате к советскому, а о переосмыслении советского в качестве собственной истории. Допустим, мы воспринимаем советскую историю как нечто, происшедшее не с нами, а с нашими родителями и предками, – это один подход. А если советское воспринимается молодым поколением как происшедшее с нами, как зону нашей ответственности, как наши победы и поражения, – это более здравый, более исторический взгляд на вещи. Думаю, такой взгляд будет развиваться, и культурная сцена от этого только выиграет.